

ЧЕРТЫ ВРЕМЕНИ

МОСКОВСКИЕ ГАСТРОЛИ

НЕ ВПЕРВЫЕ показывает свои спектакли в Москве Воронежский драматический театр имени Алексея Кольцова, и каждый раз мы ощущаем его заинтересованное внимание к насущным явлениям и вопросам сегодняшней жизни нашего общества.

Нынешние гастроли театр открыл трагедийным представлением Н. Погодина «Третья, патетическая», посвятив спектакль 60-летию Октября. В роли В. И. Ленина выступил артист В. Соколов. Заслуживает горячей поддержки обращение воронежцев к драме, которая после памятной премьеры в Московском Художественном театре занимала неправомерно малое место на всесоюзной театральной афише. Примечательно и другое: главный режиссер театра, постановщик спектакля Г. Дроздов увидел вместе с актерами в пьесе не только трагическую страницу революционного прошлого страны, но остроту ленинской мысли и энергии в будущее, непобедимую веру Ленина в гигантские созидательные силы рабочего класса, трудящихся, одухотворенных идеалами коммунизма.

Воронежский театр чутко слушает нынешнее время. Поэтому он обратил свой взгляд к новизне современного села, к тем существенным переменам, которые происходят сейчас в духовной жизни и в труде социалистической деревни. Именно в Воронеже благодаря содружеству театра с драматургом В. Черныхом впервые появилась на сцене пьеса «Дело Боброва», или, как она называется иначе, «Человек на своем месте».

В этом спектакле мы встретились с молодым председателем колхоза, инженером Семеном Бобровым, умудренным опытом, остро чувствующим неодолимое движение времени парторгом Иваном Горбачевым. Ю. Кочергов и А. Ильин обнаружили в этих ролях глубоко личную озабоченность теми делами, думами, тревогами, которыми живут их герои. А рядом с ними — начальник строительства большого промышленного ком-

бината Арташес Кочарян. Своей работой над этим образом В. Седов подтвердил старую, но вечную в реалистическом театре истину: общее, типическое явление раскрывается особенно убедительно в неповторимом, индивидуальном характере.

«Дело Боброва» приоткрывает перед нами пути, по которым пойдет, уже пошла жизнь современного села, те трудовые и нравственные проблемы, которые выдвигает здесь научно-технический прогресс. В спектакле есть сцены, которые захватывают своей правдой, — такова, например, первая встреча начальника строительства с председателями колхозов, у которых он «переманил» молодых работников. В рассуждениях Кочаряна-Седова, окрашенных подкупающим юмором, слышатся и простая хитрость, и тревога человека, призванного решать труднейшую задачу.

Хорошо, что театр отзывается на новые явления жизни, однако актуальность темы еще не решает дела.

К сожалению, в пьесе В. Черныха немало вторичного, знакомого по другим произведениям драматургии и прозы. В Боброве, к примеру, узнается тот же Чешков из «Человека со стороны», оказавшийся в деревне. Разумеется, новый стиль руководства, чувство высокой ответственности за порученное дело, преодоление косности и расхлябанности равно важны в промышленности и в сельском хозяйстве. Появление людей, подобных Боброву, есть реальное выражение и властное требование времени. Но нередко позиции героев пьесы всего лишь декларируются, иллюстрируются, а не раскрываются в драматическом действии. Можно ли представить себе, например, «Протокол одного за-

седания» без речи бригадира Потапова, в которой он говорит, почему ложна, безразлична, наконец, просто невыгодна присужденная его бригаде премия? А вот Бобров — в критический момент жизни, когда его предложение было отвергнуто, когда, по его словам, «попросту мне было выражено недоверие» — промолчал, не сформулировал открыто свою позицию. Мы услышали лишь нестройный шум собрания и увидели резкую жестикуюляцию приверженцев полярных мнений. Спектакль лишен драматизма, мы заранее уверены в победе Боброва, а это значит, эмоционально не захвачены действом.

Почему так случилось? Потому, что трудности, с которыми встретились лица, населяющие пьесу и спектакль, оказываются в итоге мнимыми. Бобров предложил себя в председатели колхоза — и за кулисами был избран на этот пост. Новый председатель мучительно размышляет над тем, как построить необходимую колхозу дорогу, не нарушив при этом севооборот, но стоило Вересовой склониться над картой и провести фломастером некую линию, как проблема решена, и Бобров удивляется (мы тоже), почему ему не пришла в голову столь простая мысль. Казалось бы, главным противником Боброва, носителем отсталых настроений является самодовольный, равнодушный заместитель председателя Селезнев, однако к финалу он неожиданно признает правоту молодого руководителя. Полным примирением завершился — спектакль лишь информирует зрителя об этом — возникший было острый семейный конфликт в доме Боброва.

Приходилось слышать мнение, будто пьесы-диспуты,

спектакли, драматические конфликты которых коренятся в трудовых отношениях, — это очередное поветрие, чуть ли не скоропроходящая мода. Полагаю, что в таких суждениях сказывается по меньшей мере недалекость. Сфера труда, сложного восхождения на новые высоты социализма таит в себе напряженные нравственные коллизии, в этой сфере формируется новый человек. И потому можно рассчитывать на то, что будут появляться новые драматические произведения, где жизнь современника предстанет в нераздельности его дела, мысли, чувств.

Желание Воронежского театра поглубже заглянуть в жизнь современной деревни сказалось не только в «Деле Боброва», но и в спектакле «Самая счастливая» Э. Володарского (постановка М. Логвинова). Дорога искренность, с которой сыграла Л. Кравцова главную роль — Машу Ветрову, пережившую тяжелую личную драму и сохранившую веру в людей, чистоту своих чувств. Но если театр строго подойдет к своей работе, то он наверняка заметит, что исход драмы заключает в себе неправомерно утешительную интонацию: какое уж тут счастье, если героиня преданно, безоглядно любит одного человека, а повязана судьбой с другим...

Задумываясь о творчестве Воронежского театра, мы замечаем, что в различных по темам, жанрам, стилю спектаклях, в работах, успешных и отмеченных недостатками, коллектив верен гуманистической устремленности советского искусства, энергично утверждает человечность как неотъемлемую этическую категорию общества развитого социализма.

В постановке сложной пьесы литовского писателя Ю. Гру-

шаса «Любовь, джаз и черт» театр не всегда удерживается на уровне высокого вкуса, злоупотребляет оглушающей музыкой и экстравагантными пластическими эпизодами. Но спектакль представляет несомненный интерес тем, что в образе юной Беатриче, талантливо созданном совсем молодой артисткой Н. Дроздовой, сильно звучит вера в человека, даже если он оказывается на грани падения, в созидательную миссию доброго начала. Резкий, даже жестокий спектакль, завершающийся трагической гибелью героини, заостряет наше внимание на некоторых еще существующих, чуждых социалистической морали явлениях в жизни современной молодежи. Режиссер Г. Дроздов точно почувствовал необычную эстетическую природу пьесы, заключающей в себе реальность и символику.

В спектакле «На дне» М. Горького ощутима некоторая нарочитость, разностильность, но нельзя не порадоваться встрече с самобытными, одаренными актерами всех поколений. Особое внимание привлекает В. Соколов в роли Луки. Артист и режиссер Г. Дроздов вступили в давнюю полемику о том, что же представляет собою горьковский Лука, и предложили свое, пусть спорное, но интересное решение: Лука на воронежской сцене предстал человеком, который не только словом, но и делом хочет помочь людям, оказавшимся на дне жизни.

Московские гастроли вновь продемонстрировали большие творческие возможности Воронежского драматического театра, его сопричастность времени, заботу о пополнении труппы молодыми силами. Были в репертуаре гостей и такие работы, где ощущалось снижение художественных критериев, как будто бы даже некоторая самоуспокоенность. Будем надеяться, что этот коллектив останется верен лучшим традициям, мужественной и бескомпромиссной требовательности к своему искусству.

А. АНАСТАСЬЕВ.